

и крокет забыли. Наверное, и не продается? На станции встречать поезда ходили. Около всех станций садики были. С поезда разъезд был. Много таратаек ехало. Финские лошадки маленькие, но быстрые и выносливые.

Финны русских господ любили... Русские вежливые были, приветливые».

Когда в первую финскую войну финны отсюда уходили, Александра Яновна спряталась — хотела с русскими остаться. Между двумя финскими войнами ее вывезли куда-то — может быть, в Вологду. Там она замуж вышла. Первую ее дачу отобрали пожарные, но дали другую, и она разводила цветы, ягоды, огурцы. С того и жила. К ней мы постоянно заходили. И с дочерью Верой заходили.

Я был рад поговорить с ней о Куоккале. Мои впечатления совпали с ее. Значит, я не преувеличивал.

«СЕМЕЙНЫЕ» СЛОВА

Существование «семейных» слов, шуток и поговорок — свидетельство крепости семьи. Моя бабушка по матери и ее верная Катеринушка (о последней я писал выше) любили вставлять в свою речь поговорки и пословицы (и первые и последние всегда как шутку), и эти обычные для всех шутки своею понятностью именно в тесном семейном кругу как бы служили удостоверением прочности семейного быта. О надетой с форсом набекрень дамской шляпке или слишком вольном дамском костюме говорили: «неглиже с отвагой». О франтоватом мужчине, что он держится фертом (ферт — название буквы «Ф», напоминающей избоченившегося человечка) и т. д.

Наша няня Катеринушка, вдова питерского мастерового, любила присказку: «Как у Семянникова на заводе, только трубы пониже и дым пожиже» (в начале нашего века густой дым из труб завода служил как бы рекламой предприятия, свидетельствуя якобы о напряженной его работе).

Эту присказку Катеринушка говорила о тех, кто старался показать, что вовсю работает. В разговорах бывало множество острот, которые я называю «устойчивыми» и которые понимались «между своими». Из поговорок в нашей семье особенно частыми были: «Мели Емеля — твоя неделя» (о вранье и пустозвонстве) и «На тебе, Боже, что нам не-гоже». Обе поговорки «успокаивали», приглашали терпимо относиться к чужому хвастовству и показной доброте.

Много было и «детских» слов, с которыми обращались к детям и говорили о детях. Но, увы, слова эти забылись.

Меньше традиционных, «семейных» слов и выражений я слышал от отца: может быть потому, что весь уклад отцовской семьи был мрачноватым и шутить там не было принято. Но, скажем, молитвенные слова повторялись у отца и у его брата «дяди Васи»: «Царица Небесная», «Матерь Божья», не потому ли, что семья была в приходе храма Владимирской Божьей Матери? Со словами «Царица Небесная» отец и умер во время блокады. Но были у отца и свои привычные выражения, которые воспринял и я, хотя смысл их для меня остается непонятным; привычным было только их употребление в быту. Так, например, при какой-либо мелкой неприятной неожиданности отец восклицал: «Ах ты! сделай одолжение!». Например, когда ошибся в чем-либо, занозил руку, не туда попал, забыл пенсне или носовой платок... Объяснить это выражение я не берусь, хотя сам употреблял его до сорока лет постоянно. Думаю, что оно повторяет какую-либо реплику из фарса или водевиля. Выражение это, верно, повторялось в тексте пьесы и имело комический эффект: то, что в искусстве клоунов когда-то называлось «лягушкой». А потом это выражение стало обычной реакцией на неприятную неожиданность в какой-то узкой, «своей» среде.

Были свои обычные шутки в языке моего класса, в кружке, где я уже студентом встречался с товарищами и т. д. Изучать их надо.

Были в моем языке и семейные неправильности. Например, я во всех случаях говорил «оне», а не «они». Как будто бы это была петербургская черта в моем языке, вероятнее всего, передавшаяся мне по семейной линии. Из

петербургских слов запомнились мне такие: «вставочка» вместо «ручка», «клякс-папир» вместо «промокательная бумага», «фрыштак» вместо «завтрак». Долгое время (да и сейчас порой) произносил я «ч» вместо полагавшегося по литературному произношению «ш» в словах «что», «булочная», «прачечная» и т. д., а также «г» вместо «в» в словах «его», в окончании родительного падежа на «ого» («нового», «красного», «городового» и пр.).

Старался я внимательно следить за ударениями в своем языке и даже изобрел «спасительное» правило: если не знаешь, где поставить ударение, — ставь его на один слог ближе к концу слова. С начала XIX века появилась тенденция переносить ударение на один слог ближе к началу слова. По-старому говорили: «агѣнт», «арѣст», «астронѡм», «начѣть» (ставшая знаменитой ошибка — «начѣть»), «объяснить», «углубить».

Как-то я спросил у академика А. С. Орлова, чистоте речи которого я всегда удивлялся: в каком слое русских самый богатый и правильный язык? Он подумал и ответил: «У среднеусадебного дворянства». И действительно, из этого слоя происходили Пушкин, Тургенев, Бунин: три столпа русского языка. Язык их богат и гибок. Очень много дали мне общения на Соловках с А. А. Мейером, К. А. Половцовой, А. Н. Колосовым, А. П. Суховым, а в корректорской издательства Академии наук в 30-е годы с образованнейшими на старый манер «учеными корректорами» — А. В. Сусловым, Л. А. Федоровым и другими.

Совершенствовать свой язык — громадное удовольствие, не меньшее, чем хорошо одеваться, только менее дорогое...

КРЫМ

Огромную роль в эстетическом воспитании нашей семьи сыграло пребывание на юге. Отец год работал в Одессе (1911—1912), и два лета мы провели в Крыму, в Мисхоре. Мне вспоминается запах разогретого на солнце лавра,